

А.И. Грищенко (Москва)

О некоторых химерических народах в современной наивной этнологии

В современной этнологии («ненаивной», «научной») и этнолингвистике распространено мнение о том, что для носителей так называемых националистических, шовинистических, расистских и прочих дискурсов играющий в них важную роль образ этнически чуждого врага-инородца, врага-иноверца очень расплывчат и не учитывает сложного устройства тех, условно говоря, народов, которые становятся мишенью словесной агрессии, прежде всего при создании и использовании экспрессивных (прозвищных, пейоративных) этнонимов. На то, что под одним именем *татары* «нынѣ многіе разные народы заключаются», сетовал еще В.Н. Татищев — первый, пожалуй, кто выделил в русском языке экспрессивные этнонимы: «...и у насъ часто неразумные писатели, хотя поносно Татаръ изъявить именуютъ *Агаряне, Варвары, Исмаилтяне*, которые имъ ни по чему не принадлежать» [12: 81–82]. Среди экспрессивных этнонимов особой пейоративностью обладают собирательные: так, «оформление этнонима в виде собирательного существительного возможно трактовать как отражение восприятия соответствующего этноса в виде некоего нерасчлененного, неразличимого и, поэтому, непонятного мира» [3: 234] (например, таких слов, как *нерусь, чернота, татарва, киргизня* и т.п.). Наконец, «однослойное простое самосознание [присущее в основном носителям рассматриваемых дискурсов — А.Г.] считает русского русским, а армянина — армянином. Иными словами, сложное национальное самосознание является проводником объединения, так как делает личность локусом сосуществования различных самоощущений (человек одновременно является и советским гражданином, и славянином, и русским), а простое национальное самосознание разделительно, поскольку проводит границы между людьми (человек или является русским, или им не является)» [9: 66–67].

Однако, кроме этнонимов собирательных, именующих один или несколько народов предельно обобщенно, в русском и многих других языках существуют особые этнонимические композиты, основанные на представлении о сложном устройстве выделяемого объекта — некоего народа, который либо состоит из нескольких особо значимых этнографических групп, либо появился в результате смешения нескольких народов. Наиболее известные из них — *монголо-татары* и *татаро-монголы*

угро-финны и *финно-угры*, а также *индоевропейцы* (дефисное написание для первых и слитное для последнего закреплены в [11: 385, 796, 830, 853, 259], что отражает непоследовательность орфографических узуса и нормы). Составные этнонимы *монголо-татары* и *татаро-монголы* созданы, по-видимому, на рубеже XVIII–XIX вв.; самые ранние найденные нами примеры: «...Россія гораздо прежде не только XV столѣтїя или даже порабощенїя ея Монголо-Татарами, но еще прежде ея раздѣленїя и по раздѣленїи на многїя Княженїя имѣла свои металлическїя деньги» (Г.П. Успенский. Опыт повествования о древностях русских, 1818); «Откиньте у нихъ [«татарскихъ поколѣній» — А.Г.] всѣ Русскїя прибавки *чи* и *во*, тогда вы увидите здѣсь живыхъ Монголо-Татаръ, или Татаръ-Монголовъ» (М.Н. Макаров. Краткая записка о некоторых достопамятностяхъ Резанскихъ и Пронскихъ, 1819); еще раньше, с конца 1780-х гг., начинается употребляться прилагательное *tungolisch-tatarisch* в немецких изданиях. В конечном счете, этноним *монголо-татары*, возможно, восходит к двойному китайскому этническому наименованию *мэн-да* — сокращению «от двух этнонимов: мэн-гу (*mongyo*[l] и да-да (*tata*[r]))» [10: 89].

Все подобные составные этнонимы образованы по довольно продуктивной в этнонимии модели, восходящей к греческому и латинскому языкам, ср. греч. *Κελτίβηρες* (191 пример употребления, в том числе дериватов, в TLG = Thesaurus Linguae Graecae: <http://www.tlg.uci.edu/>) > лат. *Celtiberi* [6: 169], *Ταυροσκύθαι* (в TLG 78 примеров, включая дериваты), *Σκυθοταῖροι* (4 примера в TLG), *Ἑλληνοσκύθαι* (по TLG, лишь единожды у Геродота), *Ἑλληνογαλάται* (9 примеров в TLG) = лат. *Gallograeci* ‘галаты’ [6: 450]. В основе античных составных этнонимов лежали представления о смешении нескольких народов, а у современных греков Приазовья — в этнонимах *греко-эллины* и *греко-татары* — о различии между двумя группами местного греческого населения [2: 88].

В русском ученом языке XIX в. также возникли (в т.ч. были калькированы) такие составные этнонимы, как *финно-угры*, *финно-угорцы*, *угро-хазары*, *монголо-тюрки* и *тюрко-монголы*, *индо-германцы* и т.п. (изначально написание было исключительно дефисное). С первым этнонимическим компонентом с нач. XX в. (предположительно в русской черносотенной печати) стало употребляться слово *жидомасон*, уже вошедшее в словари как жаргонные [14: 180] (с явно окказиональным значением «о любом человеке» у В.С. Елистратова [7: 125]), так и общие (с дериватами *жидомасонский*, *жидомасонство* [4: 305–306]). Известны также образования *жидомарксизм*, *жидодепутат* [5: 173], *жидо-кадет*, *жидо-большевик* и т.п.

Некоторые составные этнонимы могли возникать и в качестве авторских неологизмов: например, О.И. Сенковский придумал пародийное *персо-немцы* (Сравнительная филология. Индо-европеизм, 1853), а Велимир Хлебников — слово *монголо-финны* («О расширении пределов русской словесности», 1913): «Она [русская словесность — А.Г.] не знает персидских и монгольских веяний, хотя монголо-финны предшествовали русским в обладании землей». По мнению Вяч. Вс. Иванова, В. Хлебников заменил «своим изобретением „монголо-финны” тогдашний научный термин „урало-алтайские народы”» [8: 429]. Хотя такие новообразования и нельзя назвать в строгом смысле окказиональными, скорее — потенциальными (как построенные по продуктивной модели), все же они сохраняли связь с определенным контекстом, за пределы которого — в массовое употребление — не выходили.

Иначе складывается судьба этнонимических композитов в современной русской речи Интернета, где многие потенциальные и окказиональные слова, будучи растиражированы благодаря популярности той или иной записи в блоге, на форуме и т.п., могут воспроизводиться новыми пользователями. Популярной становится и сама модель. В Интернете широко представлены такие явно экспрессивные образования, как:

монголокацап (более 5 тыс. употреблений, по данным поисковой системы «Google») vs. *кацапомонгол* (всего около 260 употреблений),

жидохохол (более 2,5 тыс.) vs. *хохложд* (ок. 750),

жидомоскаль (более 2 тыс.) vs. *москалежд* (всего одно употребление),

жидокацап (более 800) vs. *кацапожд* (ок. 140),

хохлочурка (более 360) vs. *чуркохохол* (всего 5),

жидочурка (почти 300) vs. *чуркожд* (ок. 140),

жидомонгол (ок. 200) vs. *монголожд* (ок. 50),

кацапомоскаль (ок. 160) vs. *москалекацап* (всего 3),

жидоазер (ок. 40) vs. *азерожд* (всего 6) (кроме того, одно употребление *жидазер*),

хохлопиндос (ок. 40) vs. *пиндосохохол* (всего 2),

кацапочурка (ок. 10) vs. *чуркокацап* (всего 2),

жидотурок (всего 8) vs. *туркожд* (всего 2).

Необратимыми по своему составу оказались слова *жидопиндос* (ок. 115), *жидохачик* (ок. 40) и *чуркохачик* (ок. 13) (есть, однако, несколько употреблений слова *хачечурка*). Кроме того, окказионально образуются экспрессивные сложения с большим количеством компонентов-этнонимов: *жидо-монголо-кацапо-москаль* (2008, форум ресурса

«inoСМИ.Ru»: <http://inosmi.ru/>), *хазаро-кацапо-москаль* (2010, форум ресурса «Вольная Станица»: <http://fstanitsa.ru/>), *кацапо-жидо-татаро-монголо-финно-угрский азиат* (2008, «inoСМИ.Ru»).

Так какие же значения вкладывают в эти слова говорящие/пишущие? Стоит ли за ними некая наивная (явно не научная!) этническая картина мира? Верят ли сами говорящие/пишущие в реальность подобных этнических химер? Позволим себе лишь поставить данные вопросы, они достаточно сложны и требуют исследования всех употреблений, что технически трудновыполнимо.

Однако некоторые примеры, не углубляясь в проблему разграничения номинации и экспрессии в структуре значения подобных слов, — примеры наиболее типичные рассмотреть возможно. Так, самое раннее употребление слова *монголокацап* (остановимся подробнее именно на нем, как самом частом) в Интернете, по версии поисковой системы «Яндекс», относится к 6 марта 2006 г.: в ответ на высказывание пользователя «Живого Журнала» *za_nashe_delo* (скрывающего под псевдонимом «профессор Иван Деникин» ярого противника «бандеровцев» и «всемирного украинского заговора») о том, что прозвище *хохол* ничуть не обидно, что «ничего дурного тут нет: бусурман должен знать свое место», — поступило сообщение пользователя *jesfor* (Микола Малуха, киевлянин 1985 г.р.): «скорее ето к ва подходит недоросс. а лучше вас назівать монголокацапы или московиты.....вы тоже не обижайтесь это обычное украинское слово, которым называют русских» (здесь и далее в примерах правописание оригинала). Следующее употребление — 24 декабря 2007 г.: «куда уж нам — ~~руееким~~ и ~~прочим~~ ~~угрофиннам~~ монголокацапам размышлять об всяких народовластиях. нам бы водки попить да на балалайке поиграть, в свободное время от поклонения кровавым тиранам. хотя моя польско-еврейская половина протестует против этого, но ~~руееко-угро-финнекая~~ монголокацапская все-таки берет верх пойду покормлю медведя развесистой клюквой» (пользователь Y-Gin 1968 г.р., комментарий на форуме сайта «3DCenter.Ru: Популярно о трехмерном»: <http://www.3dcenter.ru/>).

Очевидно, что употребление по отношению к себе слова *монголокацап* носит иронический характер, что в дальнейшем и станет для него и других подобных композитов типичным. Когда русскоязычный пользователь Интернета, особенно участник так называемого «хохлосрача» или «пшекосрача» (эмоциональной, агрессивной и, как правило, весьма продолжительной дискуссии на проблемные темы в русско-украинских и русско-польских отношениях), употребляет

слово *монголокацап*, то это значит, что он пародирует отношение к самому себе украинских (реже — польских) националистов, слово *монголокацап* мыслится им как принадлежащее чужому (украинскому или польскому) националистическому дискурсу. При этом среди русскоязычных пользователей данное слово употребляется носителями как националистического, так и антинационалистического дискурсов: если для первых оно яркий маркер образа врага, давшего им столь экспрессивную номинацию, то для вторых — предмет насмешки, «стеба».

Среди ранних употреблений слова *монголокацап* нами встретилось и такое, в котором объясняется его популярность в антиукраинских высказываниях: «...вот было время, когда кое-кто пытался обидеть форумчан, упрекая их в принадлежности к кровавой гетне. Результат — нет на форуме определения почетнее. То же и с монголокацапами, хотели оскорбить, а получилось, что мы (и я, надеюсь) с гордостью носим это почетное погоняло» (2008, пользователь ИноМодератор в своем блоге на портале «Голос России»: <http://rus.ruvr.ru/>, имеется в виду форум «inoСМИ.Ru»). Примечательно, что авторство слова *монголокацап* упорно приписывается украинским националистам (напр.: «украинцы любят говорить о „монголокацапах”», 2008, запись пользователя «Живого Журнала» ex_gluckonav409 в сообществе ukraine_russia), хотя они его практически не употребляют, тем более в высказываниях на украинском языке (примеры единичны и, по всей видимости, основаны на использовании в русской речи: «Монголокацапи, геть з ісконних українських земель у паднебесную!!!», 2008, обсуждение новости на портале <http://www.bigmir.net/>; «Сибириконец — і вам добридень шановний монголо-кацап!», 2010, обсуждение статьи на портале <http://zaxid.net/>).

Еще более странно выглядят утверждения о том, что *монголокацапами* называют русских поляки: «Вам всего-то нужно доказать, что поляки добрые и пушистые эльфы, что они „право имеют” называть русских „монголокацапами”, „грязными медведями”, „русскими свиньями” и т.д. и т.п.» (2008, анонимный комментарий в блоге пользователя melodyjka на сайте «inoСМИ.Ru»). В действительно же оказывается, что польские пользователи Интернета о существовании прозвища *монголокацап* и не догадываются. Примечателен следующий обмен репликами на польском сайте «Salon24: Niezależne forum publicystów» (<http://www.salon24.pl/>), 2010: «общение с монголокацапами дурно на тебя влияет — становишься злобным и раздражительным» (пользователь Konrad24pl) — «A kto to taki Mongołokacap? Czy nie chcesz czasami kogoś obrazić?» (пользователь Akskii) — «Монголокацап — аналог определения „монгол — это конный финн”» (пользователь Konrad24pl). В комментариях

к другой статье тот же пользователь Akskii недоумевает уже по-русски (2010): «Опять это слово „монголокацапы”. Я в Польше этого слова никогда не слышал! Русские выдумали это слово? Почему? Не могу понять! Эти, которые это выдумали, считают себя монголокацапами? Странно!». Более развернутый ответ дает пользователь Zbigwie: «Это наш такой стеб на тему Мицкевича... У него в Париже были такие, вполне нацистские лекции (впрочем, для 19 века вполне обычная расовая болтовня), где он пытался русских объявить не славянами, а то ли монголами, то ли финнами <...> сам Мицкевич несколько запутался в своих теориях и стал выдавать определения вроде: „монгол — это конный финн” и т.п. ... Чем немало потешил народ у нас на форуме... Отсюда у нас появились такие определения как: „конные финно-монголы” „финно-монголо-кацапы” (поскольку эти самые кацапы, они понимаешь ли вроде потомки этих конных финнов), или же „кацапо-монголофинны” и наконец, для краткости — „монголокацапы” <...> В общем все эти монголофинны — это такой наш невинный, беззлобный юмор».

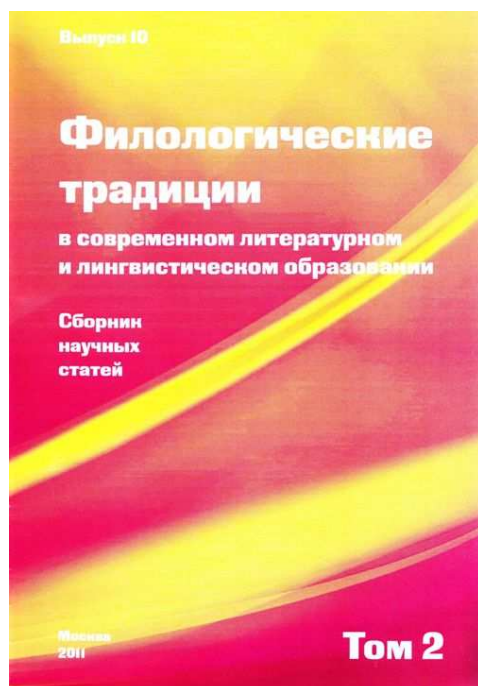
Действительно, в лекциях А. Мицкевича о славянской литературе (о которых, как выяснилось в продолжение диалога, пользователь Akskii ничего не знает) — точнее, в переводе их с французского языка на польский Феликса Вротновского (что указано впервые только на третьем издании 1865 г.) — есть такие слова: «Fin ponury, nędzny, stworzony do jarzma albo niszczenia spotkał w Sławianinie jestestwo wyższe od siebie, ale je skalał, swoim dotknięciem się <...> Mongoł, to jest Fin konny, nie zna poezyi. Szczątki jednak poezyi fińsko-północnej zachowane przez tradycją u ludu ruskiego, dają nam wyobrażenie czem to plemię było niegdyś. Pomędzy pieśniami wielko-rossyjskimi niektóre widocznie mają charakter fiński (= Финн, угрюмый, убогий, созданный для ярма или разрушения, встретил в славянине существо более высокое, но осквернил его своим прикосновением <...> Монгол, то есть конный финн, не знает поэзии. Однако отзвуки северно-финской поэзии, сохранившиеся в традиции русского народа, дают нам представление о том, чем некогда было это племя. Среди великорусских песен некоторые явно имеют финский характер)» (A. Mickiewicz. Kurs pierwszoletni literatury Sławiańskiej, 1840-1845). Как мы видим, А. Мицкевич действительно непричастен к созданию слов *монголокацап* и *монголофинн*, а об авторстве В. Хлебникова пользователи Интернета не вспоминают, что очередной раз свидетельствует о потенциальности таких образований, которые могут придумываться заново, без непосредственного обращения к словотворчеству предшественников.

Очевидно, что ни «жидомасоны», ни «монголокацапы» не связаны с научной классификацией народов, хотя и она, как и современная этнографическая теория в целом, в чем признаются сами этнографы, «находится в довольно серьезном кризисе» [1: 266], более того — «...отдельные индивиды, этнические общности и этнополитические движения имеют как бы свои собственные (обыденные или пропагандистские) представления о том, что составляет ту или иную этническую группу», а «обыденный уровень сознания и деятельности оказывает огромное воздействие и на научный анализ...» [13: 112, 113]. С этой точки зрения, «жидохохлы», «жидомоскалы», «хохлочурки» и т.п. суть псевдоэтноты, которые «являются конструктами наивного сознания, возникшими в результате ошибочной этнической классификации» [3: 234], однако «наивное сознание», как мы убедились на примере этнонима *монголокацапы*, не столь наивно, как может показаться этнологам и этнолингвистам, — оно еще часто иронично и даже самоиронично и постмодернистски эксплуатирует идею смешения всего со всем, в частности — недружелюбных (или якобы недружелюбных) народов между собой, при этом «ошибочная этническая классификация» не всегда однозначна и прямолинейна, но учитывает мнимую или реальную сложность классифицируемых объектов.

Литература

1. *Абашии С.Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007.
2. *Баранова В.В.* Тюркоязычные греки (урумы) Приазовья: язык и этническая (само)идентификация // Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья: По материалам экспедиций 2001—2004 гг. / Отв. ред. М.Л. Кисилер. СПб., 2009. С. 79–96.
3. *Березович Е.Л., Гулик Д.П.* Ономаσιологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Отв. ред. Г.П. Нешиченко. М., 2002.
4. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
5. *Гусейнов Г.Ч.* Д.С.П.: Материалы к Русскому Словарю общественно-политического языка конца XX в. М., 2003.
6. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь / 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976.
7. *Елистратов В.С.* Толковый словарь русского сленга. М., [2007].
8. *Иванов Вяч. Вс.* Хлебников и наука. // Пути в незнаемое: Писатели рассказывают о науке. Сб. 20. М., 1986. С. 382–440.
9. *Младенова О.М.* Этнонимия и национальное самосознание // Вопросы ономастики. 2008. № 5. С. 65–89.
10. *Мункуев Н.Ц.* Комментарии // Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). М., 1975.

11. Русский орфографический словарь: ок. 180 000 слов / Отв. ред. В.В. Лопатин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007.
12. *Татищевъ В.Н.* История Российская съ самых древнѣйшихъ временъ. Кн. I. Ч. I. М., 1768.
13. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
14. *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

Грищенко А.И. О некоторых химерических народах в современной наивной этнологии // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: Сб. науч. ст. Вып. 10. В 3 т. Т. 2. — М: МГПИ, 2011. С. 155–162.